

Серак, Е. В. Система наказания участников восстания 1863—1864 гг. в Беларуси: источниковедческий аспект / Е. В. Серак // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2007. — С. 139-144

Е. В. СЕРАК (Минск)
СИСТЕМА НАКАЗАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ВОССТАНИЯ 1863—1864 ГГ. В БЕЛАРУСИ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Поражение восстания 1863—1864 гг. повлекло за собой многочисленные карательные мероприятия, организованные царским правительством. Среди них — взыскания и штрафы, надзор полиции по месту жительства, тюремное

139

заключение, секвестрация и конфискация имущества и имений лиц любого звания. В то же время одной из основных форм наказания в системе репрессий становится ссылка бывших повстанцев и политически неблагонадежных лиц из мест их постоянного жительства. Репрессивная политика по отношению к участникам восстания в Польше, Литве, Беларуси осуществлялась по единому плану, путем проведения в жизнь специальных инструкций и распоряжений об организации судебно-следственного дела и функциях карательных органов¹.

Важными опубликованными источниками по истории ссылки участников восстания 1863—1864 гг. являются нормативно-правовые акты, детально регламентировавшие различные аспекты этого вида репрессий. Их ценность состоит в том, что содержащаяся в них информация позволяет проследить процесс регламентации и регулирования ссылки участников восстания 1863—1864 гг., определить основы правового положения ссылных повстанцев. Вместе с архивными материалами они являются базовыми источниками. Значительная часть правовых актов содержится во втором собрании Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ). В их числе — рескрипт Александра II от 14 января 1863 г. виленскому военному, гродненскому, минскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову о мерах борьбы с начинающимся повстанческим движением. Документ наделял особой властью и полномочиями военного времени. Все содержащиеся под арестом классифицировались по принципу большей или меньшей тяжести совершенного ими преступления и подлежали преданию военного суда².

Другим важным источником является Свод законов Российской империи (СЗРИ). Наиболее значимым для изучения темы является его 14-й том, содержащий нормы уголовного права и судопроизводства, меры наказания. Он носит название «Свод законов уголовных»³. Значительная часть статей данного свода посвящена регулированию разных аспектов политической ссылки, закрепляя таким образом ее основные положения: систему учреждений, осуществлявших контроль за ссылными, компетенцию чиновников, статус политических ссылных с момента вынесения приговора и т. п.

Важным кодифицированным нормативно-правовым актом является Военно-уголовный устав 1859 г., на основе которого действовали и выносили приговоры повстанцам военные суды и полевые аудиаториаты. Так, указом Сената от 15 января 1863 г. в пограничных с Царством Польским уездах северо-западных губерний объявлялось военное положение. В результате взятые в плен повстанцы подлежали военному суду на основании Военно-уголовного устава, который гласил: «Все жители в губерниях и областях, объявленных в

военном положении», совершившие какое-либо противозаконное деяние, подлежат военному суду на основании полевых уголовных законов⁴.

140

Наряду с основополагающими документами, в которых была создана правовая база для политической ссылки, в ходе восстания и его подавления появился целый ряд документов, изданных местными властями Северо-Западного края. Часть коих находится в фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ).

Все архивные источники можно классифицировать на отдельные группы: документы, касающиеся учреждения и деятельности судебно-следственных органов (следственных комиссий, военных судов, полевых аудиториатов), отложились в фондах Витебской следственной комиссии (ф. 3046), Оршанской (ф. 3255), Минской (ф. 1418), Могилевской (ф. 3257), в канцелярии временного военного начальника и командующего войсками в Могилевской губернии (ф. 3256) и др. 5 К февралю 1863 г. такие комиссии были созданы во всех губернских городах: Вильно, Гродно, Минске, Витебске и Могилеве⁶. В мае 1863 г. генерал-губернатором Северо-Западного края назначается М. Н. Муравьев, который наряду с военно-следственными комиссиями во всех губернских городах учреждает такие же комиссии в большинстве уездных городов. На протяжении апреля — мая 1863 г. следственные комиссии учреждаются в Орше, Горках, Черикове, Сенно и др.⁷

Следственные комиссии, несмотря на постоянное увеличение их количества, не справлялись с наплывом арестованных повстанцев; кроме того, отсутствовал опыт осуждения такого количества политических преступников военными судами, ощущался острый дефицит квалифицированных судей, делопроизводителей, аудиторов. В комиссиях зачастую действовали совершенно не готовые к выполнению возложенных на них должностных обязанностей чиновники.

Завершенные дела не представлялись в военные суды за неимением времени у членов комиссии, поскольку последние вынуждены были заниматься составлением исходящих бумаг, ведомостей и прочей перепиской⁸. На рассмотрение и решение следственных комиссий поступали дела, по которым виновные вообще не установлены⁹.

Завершающим звеном в системе судебно-следственных органов по делам участников восстания являлись полевые аудиториаты. В октябре 1863 г. был учрежден временный полевой аудиториат при командующем Виленским военным округом «для рассмотрения представляемых на конфирмацию к командующему войсками Виленского военного округа и губерний Могилевской и Витебской военно-судных и следственных дел по политическим преступлениям»¹⁰. Сюда поступали следственные дела, постановления следственных комиссий, предварительные приговоры военных судов. Аудиторы готовили приговоры; право же вынесения окончательного решения принадлежа-

ло генерал-губернатору Северо-Западного края¹¹. Конфирмации чиновников вносили существенные изменения в решения аудиториата. Основным источником, содержащим информацию об участниках восстания, являются материалы следственных дел. Документы данной группы позволяют определить форму и степень участия в восстании, социальное и имущественное положение лиц, находящихся под следствием, возраст, вероисповедание, условия содержания и меру наказания. Следственные дела сосредоточены в канцеляриях Минского губернатора (ф. 295), Витебского гражданского губернатора (ф. 1430), временного губернатора Минской губернии (ф. 296). По этим материалам возможно составить представление о конкретных участниках восстания, составить алфавитный указатель.

Следующая группа источников — отчетные ведомости — содержат сведения, благодаря которым можно установить лишь общее число лиц, привлекавшихся следственными комиссиями за участие в восстании. Ведомости составлялись в произвольной форме; однако в них всегда вписывался порядковый номер, фамилия имя и отчество; иногда встречается информация о социальной принадлежности и месте содержания подследственного¹². К сентябрю 1863 г. была разработана единая форма ведомости, которая представлялась следственной комиссией не позднее 7-го числа каждого месяца¹³. Отчетные ведомости включают 6 граф, в которых фиксировались: 1) порядковый номер; 2) фамилия, имя и отчество; 3) звание; 4) возраст; 5) с какого времени находится арестованный под следствием и в чем обвиняется, если дела были представлены на решение, то к кому и когда, если дело не могло быть закрыто, то по каким причинам.

Делопроизводственная документация, затрагивающая вопросы об условиях содержания подследственных, хранится в ф. 1430, ф. 2001. Она свидетельствует об отсутствии единых, конкретных инструкций и предписаний. Выясняется, что условия содержания арестованных в период следствия отличались разнообразием, но не строгостью. Администрация тюремных замков не была компетентна в вопросах содержания подследственных. Караульные офицеры не владели инструкциями в отношении своих обязанностей¹⁴.

В фонде № 2001 (дело 32) сосредоточены материалы, поступившие в период с весны по лето 1863 г., о ситуации с организацией свиданий с арестованными и существующих в этом отношении проблемах, а

также способах их урегулирования. Они свидетельствуют, что свидания в этот период времени разрешались повсеместно. 13 июля 1863 г. командующему войсками Могилевской губернии поступило уведомление о недопущении никого для свидания с содержащимися под арестом политическими преступниками. Однако попытка изолировать подсудимых не имела успеха. Изобретались различные фор-

мы получения свидания¹⁵. Власти не смогли овладеть ситуацией и смягчили ограничения, выработав к октябрю 1863 г. «Правила для свидания с политическими арестантами, содержащимися в тюремном замке, в казармах батальона внутренней стражи и богоугодных заведений»¹⁶. В соответствии с данным документом свидания разрешались только ближайшим родственникам. Для этого назначались два дня в неделю (в воскресенье и среду). Продолжительность свидания в присутствии члена следственной комиссии, смотрителя, караульного офицера составляла не более получаса, разговор допускался только на русском языке; вторичное свидание было возможно только по истечении семи дней. Лицо, допущенное к свиданию и нарушившее установленные правила, лишалось возможности на будущие встречи.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что к 60-м гг. XIX в. была создана нормативно-правовая база, регламентировавшая ссылку как форму репрессий в отношении участников восстания 1863—1864 гг. Для осуществления следствия и осуждения повстанцев был создан специальный судебно-следственный аппарат, функционировавший на основании как ранее существовавшего законодательства, так и специально изданных законов и нормативно-правовых актов, которые регулировали важнейшие вопросы, касавшиеся судопроизводства, устанавливали виды наказаний для повстанцев, содержали правила по надзору за арестованными. Безусловно, приведенные сведения не являются исчерпывающими, а проблема нуждается в дальнейшем исследовании, с привлечением новых источников.

¹ Ruch rewolucyjny w 1861r. w Krylestwie Polskim. Warszawa, 1956. S. 184—186.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. № 39161.

³ СЗРИ. СПб., 1932. Т. 14.

⁴ Устав военно-уголовный // Свод военных постановлений. Кн. 1—2. Ч. 5. СПб., 1859.

⁵ НИАБ. Ф. 3046, оп. 2, д. 3; ф. 3255, оп. 1, д. 3; ф. 1418, оп. 2, д. 1; ф. 3257, оп. 1, д. 1.

⁶ НИАБ. Ф. 3257, оп. 1, д. 1, л. 6, 120; ф. 3046, оп. 2, д. 3, л. 1; ф. 1418, оп. 2, д. 1, л. 1.

⁷ НИАБ. Ф. 3255, оп. 1, д. 3, л. 10; ф. 3366, оп. 1, д. 3, л. 2; ф. 3257, оп. 1, д. 16, л. 6; ф. 3286, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁸ НИАБ. Ф. 1430, оп. 1, д. 31263, л. 1 об., 2.

⁹ Подобный факт выявлен в Мозырской следственной комиссии, по результатам рассмотрения ведомости о политических делах было рекомендовано «изменить или дополнить состав комиссии опытными и знающими следственное производство чиновниками, так как из отчетов, представляемых аудиторiatу, видно, что не было решено ни одного дела». НИАБ. Ф. 1430, оп. 1, д. 31584, л. 252—255.

¹⁰ Обушенкова Л. А. Архивные материалы судебно-следственных учреждений 1863—1866 гг. по делам участников восстания // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». М., 1964. С. 218.

¹¹ Командующему войсками Виленского военного округа, виленскому, ковенскому, гродненскому, минскому генерал-губернатору, командующему войсками могилевской губернии, могилевскому гражданскому губернатору, помощнику генерал-губернатора виленского, ковенского, гродненского, минского генерал-майору А. Л. Потапову, виленскому генерал-губернатору, временному военному губернатору минской губернии НИАБ. Ф. 1430, оп. 1, д. 31584, л. 613 об.; ф. 1430, оп. 1, д. 31584, л. 460; ф. 2001, оп. 2, д. 62, л. 89; ф. 2001, оп. 2, д. 18, л. 16; ф. 299, оп. 1, д. 582, л. 15—15 об.; ф. 3257, оп. 1, д. 8, л. 168; ф. 320, оп. 2, д. 98, л. 101.

¹² Волковыская следственная комиссия ограничилась представлением перечневой ведомости о числе следственных дел, а Сокольская следственная комиссия представила перечень лиц, состоящих под следствием. НИАБ. Ф. 1430, оп. 1, д. 31263, л. 8 об.

¹³ Там же. Л. 9 об.

¹⁴ НИАБ. Ф. 2001, оп. 2, д. 32, л. 164 об.; ф. 1430, оп. 1, д. 32419, л. 11.

¹⁵ В рапорте смотрителя в казармах могилевского батальона внутренней стражи, адресованного следственной комиссии в сентябре 1863 г., отмечалось, что «неоднократно замечено, что в находившихся близ казармы еврейских домах, дамы заходят в них, а некоторые и снимают квартиры и имеют разговоры из окон и дворов с арестованными. Полиция к устранению беспорядков не принимает никаких мер». НИАБ. Ф. 2001, оп. 2, д. 32, л. 182об.

¹⁶ Там же. Л. 188.

